

Максим

Пономаренко

магистрант КазНПУ им. Абая

МЕТАФОРИЧНОСТЬ СТИЛЯ АБЛАЯ АБИШЕВА

*Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед...*

М. И. Цветаева

Около пятидесяти лет стихи Аблая Абишева ждали своего часа, чтобы воплотиться в книге, которую, к сожалению, автору не привелось подержать в руках. Он родился в Алма-Ате в Казахской ССР в 1944-м году. В 1967-м успешно окончил факультет журналистики КазГУ, затем получил должность редактора Казахского телеграфного агентства (КазТАГ). Однако в ранней молодости его настигла тяжелая болезнь. Возможно, именно она и помешала этому незаурядному человеку в полной мере реализовать себя в творчестве.

Писать стихи Аблай Абишев начал еще в школе. Известны его публикации в газетах «Ленинская смена» и «Дружные ребята». Через несколько лет его стихи вышли в свет в ведущих газетах и журналах КазССР. Его поэтический стиль отличает удивляющая воображение метафоричность, где каждое слово как высокая волна вздымается над произведением искусства, проходя сквозь сознание читателя и оставляя в нем неповторимый след. Поэт выстраивает свою особую форму подачи стиха, отточенную и ясную. Его стихи можно смело называть «настоящей» поэзией, в них нет бессодержательной эклектической игры. Они также свидетельствуют о том, что далеко не всё в мировой литературе уже сказано.

Стихам Аблая Абишева, написанным несколько десятилетий тому назад, наконец, настал «свой черед». М.Цветаева была права, когда сравнивала стихи с драгоценными винами [2:7]. От времени они не тускнеют и не портятся, только становятся выдержаннее. Ярче проступают в поэтическом языке художника обнаженная искренность, неподдельность и пастернаковская скрупулезность («Во всем мне хочется дойти до самой сути») [3:373].

Аблай Абишев оставил нам несколько десятков произведений. Большая их часть опубликована в сборнике «Белый мираж Востока» [1]. Метафоричность стиля – главная черта этого поэтического сборника («...Гиацинты... / целуют гранит...» [1:75], «...И пулемет / Ее зрочками / Кричит навывлет: / – Никогда...» [1:74], «...Я войду с тобой в ноктюрн волны...» [1:30], «...Скользнут витрины / Синеглазой / Безлунной ртутью...» [1:19]). Заглавие «Белый мираж Востока» олицетворяет самого автора. Как известно, белый цвет – символ совершенства, незапятнанности, вероятно, также духовной чистоты. Поэт мелькнул единожды, подобно миражу, не успев завоевать настоящего признания публики. К сожалению, не так давно этого человека не стало. Но он оставил часть себя в каждой строфе, каждой метафоре, в каждом слове.

Лирика казахстанского поэта отмечена наличием особых метафорических форм, ассоциативностью художественного образа. В его лирике часто встречаются уникальные образы мировой и отечественной культуры и истории, образы мировой литературы, имена гениев человечества, национальных героев Казахстана. Особая поэтическая стилистика, используемая А.Абишевым, формирует художественные образы, в которых сочетаются реалистические и идеалистические черты одновременно. Стихотворения строятся на взаимодействии реалий фантастического и реального миров. Ирреальность изображения предмета, человека является ключом к постижению его внутренней природы. Метафоричность языка помогает постичь глубинную природу бытия, невидимую поверхностным взглядом.

Использование метафоры ориентирует нас на выявление и понимание эстетической позиции поэта, к примеру, изображения им высочайшей неизменной трагичности бытия (стихотворения «Джунгли», «Поэт»). Художественный образ А.Абишева движется, находится в процессе непрерывного развития благодаря высокой эмоциональной, смысловой, семантической, философской насыщенности. Движение образа стремится охватить и творца, и мир, и меняющуюся действительность. Поэт становится сопричастным изображаемой метафорической реалии, соприкасаясь с ее природой, совершая и вместе с тем постигая ее бытие, «...кажется, что в момент создания стихотворения душа поэта была способна переселиться в эти свободные создания родной природы, что через это волшебство он стремится вырваться за пределы своей трагически короткой жизни» [6].

В стихах о гибели А.С.Пушкина автор изображает собственно явление убийства, наделяя его антропоморфными характеристиками («Убийство разрубало гения...», «Убийство резало и рвало // Рождая собственный испуг // И убивало, убивало...» [1:7]); соматизмы («И лоб кропил // Венок терновый» [1:8]); саму страну («И голосащую вдовой // Россия // За ненужным гробом // Шагала...» [1:8]). Антропоморфное изображение возникает благодаря отказу от стандартного, традиционного, привычного взгляда на явление. Продуктивность такого подхода заключается в высоком философском потенциале произведения. Перенесение человеческих характеристик на явление позволяет нам резче ощутить его бытие, отталкиваясь от эмотивных характеристик собственного сознания.

Последовательному восприятию используемой метафоры способствует также новая графика стиха, происходит разграничение интонационного и графического планов, что отчетливо выделяет троп на фоне лирического сюжета.

Ночь черным
Влажным скорпионом
Стекает в зелье
Сочных трав.
(«Гамлет»)

Автор, одухотворяя ночь («...влажным скорпионом»), вместе с тем уподобляет ее растению (глагол «стекает»). Ночь проходит за четыре коротких стиха два периода трансформации, художественный образ движется, развивается, отходит от традиционной семантической пристани в поисках нового выражения, становится амбивалентным.

Следует отметить, что «зелье сочных трав», над которыми полетел абишевский Гамлет, сознательно не было заменено на «зелень». Зелье представляет собой темноватую клокочущую массу, подобный троп здесь вполне уместен, он отражает темные, враждебные просторы, в которых копошится влажный скорпион – ночь, стекшая густоту растущих трав.

Аблай Абишев посвятил немало произведений философии поэтического творчества. И всегда вдохновение художника возносило его, призывало к полету. Преступления против человечности, духовные несовершенства личности лирический герой принимает со свойственной ему резкостью, скрупулезностью, не помышляя об остановке, не думая о том, чтобы сдаться. Напротив, герой восклицает:

Полечу на плач
Во весь опор,
Если гордо зло
Заносит лезвие.
Красной кровью
Выстрелю в упор,
Бей навывлет зло,
Моя поэзия.
(«Полечу на плач...»)

Лирический сюжет здесь раздваивается: выстреливает кровь, бьет навывлет – поэзия. Разграничение двух явлений происходит лишь на синтаксическом уровне, тогда как семантически они сходны и представляют собой единую философею художественного творчества. Аблай Абишев ранее уже обращался к ней в стихотворении «Из сердца кровоточил гений...», изображающем Бетховена. Герой выстреливает в упор «красной кровью», композитор сжигает свое существо «в зеленых молниях симфоний». Сравнивая двух лирических персонажей, можно отметить, что и в том, и в другом случае творческий процесс – это мощное интеллектуальное напряжение, в нем сливаются вдохновенный труд, преодоление себя, почти физические страдания. Автор метафорически отождествляет его с кровопотерей, т.е. потерей частицы самого себя во имя торжества «музыки миров». Посредством метафоры воплощается идейно-художественный замысел стихотворения, которое развивается, движется вперед, будучи номинально завершенным. Контрверза творческой личности и толпы, символизирующей посредственный псевдокультурный мир, является ключевой для поэта, но он не осуждает его, а скорее предпринимает гуманные попытки достичь некой позитивной динамики мироздания.

Метафора всегда противопоставляла художника как существо высшего порядка, как порождение небес и посредственность как греховный продукт земли. Артур Шопенгауэр заметил: «Ученые читают книги; мыслители, гении, просветители людей и двигатели человечества непосредственно читают книгу мира» [4:381].

Стихотворение о Бетховене вызывает аналогию с произведением Н.А.Заболоцкого, который также изображает мир, сияющий зелеными молниями симфоний: «В тот самый день, когда твои созвучья // Преодолели сложный мир труда, // Свет пересилил свет, прошла сквозь тучу туча, // Гром двинулся на гром, в звезду вошла звезда». У А.Абишева читаем: «Взлетали лунные сонаты» [1:53].

полет становится символом художественного творчества, созвучия симфоний, он имеет небесную природу, трансформирует действительность, актуализируя силы, несвойственные посредственности. Природа Н.Заболоцкого становится послушна музыкальной поэзии гения, художник изображает Бетховена, охваченного «яростным вдохновением, в оркестрах гроз и трепете громов». Аблай Абишев раскрывает особый внутренний психологизм охваченного вдохновением и яростью художника: «Он уходил в себя // Как в музыку», поэт показывает трансформацию самой духовности творческого существа. Теория А.Шопенгауэра у Н.Заболоцкого подтверждается в следующем: «Поднялся ты по облачным ступеням // И прикоснулся к музыке миров». Абишев вновь обращается к психологизму: «себя сжигал...», «из сердца кровоточил...», «упал испепеленно-ослепленно сквозь время в тихий-тихий зал...». Оба автора изображают исступленный творческий крик композитора, сходясь на этой линии, соприкасаясь семантически. У Н.Заболоцкого читаем: «И крикнул ты в лицо самой природе», у А.Абишева «И закричал, // Себя сжигая // В зеленых молниях // Симфоний». Диссонанс классической ритмической структуры (Н.Заболоцкий) делает произведение А.Абишева более интровертным, однако не менее торжественным. Н.А.Заболоцкий в последующих строфах посредством образа-крика показывает рождение музыки как трудный созидательный процесс, как работу творческой мысли, ее трансформации: «И пред лицом пространства мирового // Таковую мысль вложил ты в этот крик, // Что слово с воплем вырвалось из слова // И стало музыкой, венчая львиный лик». Абишев также изображает творческий акт художника как колоссальный труд: «Хотелось в крике разорваться». Н.Заболоцкий дает ему таковую возможность, когда слово с воплем вырывается из слова, метафорически порождая творческую философию создателя. В заключительных строфах Н.Заболоцкий и А.Абишев высказывают сходные мысли, с разницей лишь во времени. Н.А.Заболоцкий призывает само творческое знание не прекращать торжественного марша: «Откройся, мысль! Стань музыкою, слово, // Ударь в сердца, чтоб мир торжествовал!». А.Абишев подхватывает эту мысль, замечая, что «удар в сердца» уже состоялся («Я вижу, как тревожно // Ленин // Пронизан // «Апассионатой») [1:54], что Бетховен, совершив свой величайший крик, «упал... сквозь время в тихий-тихий зал», т.е. остался навечно в истории человечества, как остается и сам поэт Аблай Абишев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абишев А.О. Белый мираж Востока: Сборник стихотворений. – Алматы: Общественный фонд «Мусагет», 2003. – 104 с.
2. Цветаева М.И. Любовный крест тяжел: стихотворения, проза / Марина Цветаева. – М.: Эксмо, 2010. – 576 с.
3. Пастернак Б.Л. Сестра моя – жизнь: стихотворения, роман в стихах / Борис Пастернак. – М.: Эксмо, 2010. – 640 с.
4. Шопенгауэр А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 5: Parerga и Paralipomena: в 2 т. Т. 2: Paralipomena / Пер. с нем. под ред. А.А. Чанышева. 2-е изд., исп. – М.: Республика, 2011. – 527 с.
5. Заболоцкий Н.А. Столбцы. Стихотворения. Поэмы / Николай Заболоцкий [сост., вступ. ст. и примеч. Г.В. Филиппова, худож. Е.А. Галеркина]. – Ленинград: Лениздат, 1990. – 365 с.
6. Возвращение поэта. Казахстанская правда. – 29.10.2013.

